

Форт
Земцовских

Иванов
Луховицко.

Еврей

Катоннамин
Ильинский

1975

КОНСТАНТИН КУЗЬМИНСКИЙ

ЖИВОЕ ЗЕРКАЛО

(второй этап ленинградской поэзии)

Книжка 4-ая, исправленная

Санкт-Петербург

1974

Владимир
Сергей
Александр

Сергей

Книжка 4-ая
Исправленная

1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

(Издане в Ленинграде)

Издательство

1971

Издание 4-ое, исправленное

А. А. В.

Гаври	льчик
олегох	апкин
геннадий	Трифонов
константин	ульянский

сергей	Стратоновский
александр	Озиганов
борислу	пьянов
виктор	рибукин
михал	енделев
владим	ирот
виктор	Кирал
крейла	ексеев
серис	Тайгин
петр	ейгин

"Сказки" и рассказы
 историческая хроника и

- "Иосифа Бродского спросили:
- Кто еще в Ленинграде представляет интерес?
- Ну, Володя Карамзин.
- И все?
- Пожалуй, все..."

(Из разговора с начальником Проффарм)

ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ

Нет, ты только не говори мне, что быть может когда-нибудь эти строки будут напечатаны, поняты и признаны критиками, профессорами, дантистами, лейтенантами, портными и всеми другими трудящимися массами. Когда ты говоришь это, то я чувствую, как в меня проникает самодовольство — оно струится по всем моим сосудам и артериям, приятно отравляя меня тайной надменностью и вознося на ту сладостно-головокружительную высоту, где живут лишь избранные.

Но я не хочу на ту высоту один, без тебя. Я не хочу оставить тебя внизу, бросить среди тех, кто еще не добился или никогда не добьется успеха. Я не хочу глядеть на тебя с высоты нежно-нисходительным взглядом, унижая тебя нашим неравенством.

Я хочу остаться рядом с тобой. Я хочу разбить свою палатку рядом с твоей, у самого подножия той немисленной высоты, и пусть развеивается над нашим лагерем всеми оболганное знамя непонятых и непризнанных, тех, кто еще не добился или никогда не добьется успеха.

Нет ничего противоестественнее понятого, признанного, а к тому же еще и ситого поэта. Такой поэт напоминает кусок съеденного и уже переваренного хлеба. Настоящий поэт

для меня — всегда непризнан, наг и голоден. Его понимают и признают только несколько учеников и друзей. Он утоляет голод их одобрением. А свою наготу прикрывает божественными крыльями горделивой и бессмертной богини Поэзии, которая висится в веках над государственными деятелями, полководцами, профессорами литературы и трудящимися массами, всегда князя, бескорыстная и бесстрашная, озаренная пленительным светом, источник которого, быть может, таится в наших собственных душах.

Такими непризнанными, нагими и голодными прошли через мою жизнь Леонович и Мандельштам, Хармс и Загинов, Ахматова и Цветаева, Соснора и Бродский.

Мой разум говорит, что это нелогично и неубедительно, что есть общепонятые и общепризнанные поэты, которых проходят в школе, и я их боготворю. Но что-то иное, что-то сильнее логики убеждает меня в ином:

Это мы, непонятые и непризнанные, те, кто еще не добился или никогда не добьется успеха, утопая по колена в болоте безвестности, поднимаем на своих худых и нервных руках Пушкина и Шекспира. И они возвышаются над миром, сверкая чисто вымытыми ногами.

Это мы, непонятые и непризнанные, те, кто еще не добился или никогда не добьется успеха, противостоям моручей и сплоченной команде олимпийцев, которые покоятся на взбитых, как сливки, перинах самодовольства и надменности. И мы спасаем искусство, которое без нашей зависти, неуверенности, нищеты, без отчаяния нашего унеслось бы в такие высоты надменности, что сияло бы в нереальных далах, ничего не освещая и никого не согревая.

